

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА В ПОЛОЖЕНИЯХ И ВЫВОДАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

С.Ю. Чимаров, д-р ист. наук, профессор

В.П. Яремчук, канд. юрид. наук

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-1-200-204

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных выводов зарубежной научной мысли на проблему терроризма: в контексте роли психологической науки по выявлению глубинных мотивов личности террориста, способствующих демонстрации им радикального способа реализации своих целей. Особое внимание авторами уделено исследованию основных положений «Канадской сети исследований терроризма, безопасности и общества» (TSAS), имеющих несомненно важное значения для более основательного понимания актуальности некоторых направлений деятельности специалистов-психологов, непосредственно работающих в области борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: психология; терроризм; экстремизм; личность; острые ощущения; социальное доминирование; проактивность.

Протяженное по фронту в силу своего глобального распространения и воздействующее на психику человека, его мировоззрение и шаблоны поведения явление терроризма, и связанные с ним акты террора и экстремизма закономерно относятся к предмету специального изучения различными направлениями психологической науки. Приведенное нами суждение может быть объяснено определяющей ролью в борьбе с терроризмом психологии как науки и обусловлено триадой связанных с ней потенциальных обстоятельств, к которым относится:

1) выявление мотивов радикализации и поиск глубинных истоков формирования личности террориста или адепта радикального способа решения человеком конкретных задач;

2) прогнозирование поведения отдельных лиц из числа террористов-одиночек, нередко оцениваемых в качестве «одиноких волков» или членов террористических ячеек/организаций;

3) выявление у личности/группы лиц базовых аспектов идеологии радикальной направленности и ее разрушение.

Как представляется, факторы апеллирования в борьбе с терроризмом к роли человеческого фактора и учета при этом выводов психологической науки, свидетельствуют об актуальности отхода от соответствующей принципу «стимул – реакция» модели реактивных

действий, к модели принятия упреждающих мер, предполагающей в том числе и задействование элементов проактивности в работе с лицами, являющихся объектом внимания специалистов-психологов. В этой связи мы считаем необходимым представить лапидарный анализ ряда концептуальных воззрений представителей зарубежной психологической науки на проблему борьбы с терроризмом, отдельные положения которых позволят представить современное видение некоторых направлений противодействия террору, с опорой на выводы и рекомендации специалистов-психологов.

В контексте отмеченного, несомненного внимания заслуживает работа, автором которой является К. Сотироска (Университет Кирилла и Мефодия, Скопье, Северная Македония), исследовавшая роль психологии в профилактике и борьбе с терроризмом, а также в преодолении последствий совершенных террористических действий [1]. В соответствии с выводом данного ученого-психолога, расширение спектра психологического вмешательства в борьбу с актами террора, включая их профилактику, имеет важное значение не только для жертв пропаганды терроризма, но и для общества в целом. Для этого предлагается задействование ряда современных психологических стратегий, касающихся:

1) повышения осведомленности населения;

2) использования методов и техник отбора специалистов по борьбе с терроризмом;

3) предоставления лицам, попавшим под влияние идеологии терроризма, психологической поддержки и необходимого обучения;

4) повышения уровня профессиональной подготовки лиц, призванных противодействовать деструктивной деятельности различного рода радикалов, а также принимать типичные и проверенные психологические решения в борьбе с терроризмом.

Актуальные проблемы психологии терроризма наиболее обстоятельно исследовал в своей работе американский психолог Р. Борум (Университет Южной Флориды, США), выявивший совокупность психологических подходов к пониманию природы насилия, во многих случаях способствующей переходу лиц в ряды террористических организаций и становлению их жизненной позиции, основанной на идеях радикализма [2]. В указанной работе научному анализу подвергнут ряд вопросов, касающихся психологического решения проблемных вопросов и сводимых к анализу:

1) причин вступления людей в ряды террористов;

2) путей упреждения актов террора;

3) поведения личности человека, имеющего непосредственное отношение к террористическим структурам;

4) соотношения жизненного опыта человека с вовлеченностью в террористические организации;

5) роли идеологии в поведении террористов;

6) уязвимости террористических организаций.

По оценке отмеченного специалиста, в историческом плане теоретические конструкты отмеченных подходов разработаны в формате теорий, исследующих:

1) инстинкты и влечения личности;

2) особенности ее когнитивной сферы;

3) совокупность биологических факторов, являющихся определяющими для оценки психологии поведения террориста.

Указанные теоретические подходы свидетельствуют о том, что психологию терроризма нельзя рассматривать отдельно от политических, исторических, семейных, групповых

динамических, органических и даже чисто случайных факторов [3].

В ходе исследования отдельных аспектов международного терроризма и их взаимосвязи с психологией поведения террористов, коллектив зарубежных ученых (Т. Арчишевски, Ж.Ф. Верляк, И. Гонсалвес, А. Круглански) в своей работе «От психологии террористов к психологии терроризма» констатируют тот факт, что международный терроризм или глобальный терроризм в основном ассоциируется с радикальными исламскими фундаменталистами, призывающими к джихаду, и с большинством людей, непосредственно связанных с исламом и мусульманами [4]. По мнению данных специалистов, имея решающее значение для психологических исследований на индивидуальном, социальном или общественном уровне анализа, указанный вопрос является актуальным для продолжительного периода времени.

Представляя краткий обзор теорий, имеющих принципиальное значение для понимания психологии терроризма вообще и психологии террориста, в частности, отмеченные ученые свидетельствуют о том, что первые теории, возникшие в психологии терроризма, были разработаны в рамках клинической психологии и психиатрии, что было связано с подготовкой ряда обзоров на эту тему, которые подготовили К. Макколи, К.Э. Стаут [5] и Э. Силки [6]. По нашему мнению, несомненная ценность указанных научных работ заключается в выводах, касающихся выявления элементов личности или патологий, на основе которых происходит становление личности террориста. На основе проведенного анализа, указанные ученые констатируют об отсутствии каких-либо доказательств существования именно «патологии террориста».

Иллюстрацией к этому выводу служит умозаключение, к которому пришел американский психиатр Дж.М. Пост, отметивший следующее: «Действительно, не будет преувеличением утверждать, что террористы психологически «нормальны» в том смысле, что они не страдают клиническим психозом. Они не находятся в депрессии, не страдают серьезными эмоциональными расстройствами и не являются безумными фанатиками. На самом деле, террористические группы и организации отсеивают эмоционально нестабильных

людей. Они представляют угрозу безопасности» [7, р. 195-196]. Особого внимания заслуживает вывод, который сформулировал указанный психолог К. Стаут, подвергший сомнению устоявшееся мнение относительно того, что причина терроризма кроется в таких социальных причинах, как: бедность, образование, идеология, религия и т. д. По мнению данного ученого, из указанной гипотезы не следует никаких убедительных доказательств отмеченных причин терроризма [8].

Не исключая возможности восприятия терроризма в качестве синдрома и инструмента одновременно, А.В. Круглански и С. Фишман исходят из того, что исторически терроризм представлял собой синдром, истоки которого первоначально определялись как личные отклонения, а позже – как «внешние первопричины». В этой связи, данные ученые предложили рассматривать террориста и терроризм как две отдельные сущности, фокусируясь при этом на терроризме как средстве достижения определенных целей. С учетом отмеченного и акцентируя внимание на том факте, что терроризм как таковой представляет собой психологически целостное понятие, А.В. Круглански и С. Фишман предлагают:

- во-первых, воспринимать терроризм как социальный инструмент, изучение которого должно находиться в поле внимания психологии и в рамках исследования общих психологических процессов;

- во-вторых, осознать то обстоятельство, что в психологическом плане люди в определенные моменты своей жизни могут выбирать терроризм как способ выражения своей идеологии, своего мнения или своей борьбы за достижение определенных целей, корреспондирующих их представлению о справедливости [9, р. 211].

Психологические аспекты терроризма находятся в поле зрения зарубежных специалистов, на основе аналитической деятельности которых формируются отдельные обзорные материалы, подготовленные в интересах специальных служб. Подтверждением отмеченному может служить деятельность «Канадской сети исследований терроризма, безопасности и общества» (англ. «The Canadian Network for Research on Terrorism, Security and Society, TSAS») [10], рекомендации которой используются такими организациями, как:

Министерство общественной безопасности Канады; Королевская канадская конная полиция; Канадская служба разведки и безопасности; Министерство гражданства и иммиграции; Министерство оборонных исследований и разработок Канады; Комитет по обзору разведывательной деятельности в сфере безопасности, и др. Как следует из отдельных документов указанной организации TSAS [11], тщательный анализ специальной литературы, включая специализирующиеся в области противодействия терроризму шесть авторитетных журналов («Терроризм и политическое насилие»; «Исследования конфликтов и терроризма»; «Перспективы терроризма»; «Динамика асимметричного конфликта»; «Критические исследования терроризма»; «Поведенческие науки о терроризме и агрессии») опровергает выводы представителей академических кругов, правительства и разведывательного сообщества в отношении того, что у лиц, занимающихся терроризмом, нет ярко выраженных личностных черт. На основе анализа профилей террористов специалистами TSAS подтверждается наличие связи между личностью и терроризмом, что позволяет более предметно понимать природу радикализма, совершенствуя при этом эффективность программ, направленных на противодействие насильственному экстремизму. Абстрагируясь от метода сведения многофакторного явления терроризма к одному единственному психологическому измерению личности, авторы указанного отчета целью своей работы определили проведение новой оценки потенциала психологии личности, в контексте исследования причин терроризма.

Как следует из текста отмеченного обзорного документа TSAS, под личностью понимается совокупность мыслей, чувств и моделей поведения, которые различаются у разных людей. В случае проявления в различной форме данной совокупности признаков, конкретная форма означает черту личности. При этом, черты личности:

- 1) стабильны во времени;
- 2) демонстрируют измеримые различия между людьми;
- 3) влияют на поведение человека.

По оценке TSAS, среди множества признанных в психологии черт личности, особого внимания, помимо «большой пятерки» (экс-

траверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм, открытость опыту), заслуживают: потребность в завершенности действий; вера в справедливый мир; ориентация на социальное доминирование; стремление к острым ощущениям [11, p. 2].

В некоторых случаях черты личности являются дисфункциональными и приводят к диагностируемым расстройствам, таким как нарциссическое расстройство личности. В литературе, посвященной терроризму, содержится множество дискуссий о расстройствах личности, в которых, как правило, отрицается их наличие в психологическом составе людей, совершающих террористические акты. Исследуемый обзорный документ TSAS направлен на выявление «нормальных» личностных черт и их связи с терроризмом. При этом, авторы-составители данного документа, выражая солидарную позицию с выводами ряда ученых-психологов в отношении того, что «террористической личности» как таковой не существует, особое внимание уделили следующим двум чертам личности:

1. Поиск острых ощущений (англ. «Sensation seeking»): данная черта наиболее подробно исследуется в описаниях современных доморожденных джихадистов, утверждающих, что мусульманская молодежь отчасти радикализируется из-за соблазнительных и авантюрных аспектов джихада. Вместе с тем, изучающие терроризм отдельные психологи указывают на то, что поиск острых ощущений как черта характера, может predisполагать людей к процессам, ведущим к терроризму. Кроме того, predisполагающей чертой характера террориста может быть его «тяга к риску» или способность «терпеть высокий риск» [11, p. 10].

2. Ориентация на социальное доминирование (англ. «Social dominance orientation, SDO»): это хорошо зарекомендовавшая себя личностная переменная, обычно измеряемая в психологических исследованиях межгрупповых отношений. При этом, SDO обозначает склонность человека ценить статус и иерархию, одновременно обесценивая эгалитаризм (от французского «égalité» – равенство). Таким образом, человек с высоким уровнем SDO будет ценить групповое доминирование, статус, власть и превосходство и скорее всего

согласится с тем фактом, что «некоторые группы людей просто уступают другим группам по степени своего признания в обществе, являясь при этом наиболее уязвимыми» [11, p. 11].

Анализ обзорного документа TSAS подтверждает актуальность проведения новых исследований по линии психологической науки, целеполагание которых должно заключаться в изучении возможности использования личностных черт в качестве потенциального фактора для выявления лиц, более склонных к участию в терроризме. По нашему мнению, отмеченное соответствует наличию устойчивой связи между личностными чертами людей и их predisпоженностью при определенных условиях и/или ситуациях к демонстрации шаблонов своего поведения, характеризуемого в качестве радикального и террористического способа действия. Кроме того, особое внимание заслуживают положения исследуемого документа TSAS, касающиеся того обстоятельства, что правоохранительными органами и, в первую очередь проходящим в них службу специалистам психологических служб, необходимо более основательно учитывать особенности идеологической подпитки склонных к терроризму лиц, основанной на идеологемах религиозного, политического, апокалиптического, националистического и сепаратистского порядка [11, p. 11-12].

Подводя итог изложенному, необходимо отметить многообразие выводов зарубежной научной мысли, касающейся психологии личности и возможности вовлечения отдельных людей в ряды приверженцев и убежденных сторонников радикального способа решения определенных проблем, находящего свое практическое воплощение в совершении актов террора, выступающего в качестве угрозы правам и свободам каждого человека в отдельности, а также в целом обществу и государству. В этой связи, представляется необходимым проведение новых и более углубленных исследований в области поведенческой психологии, одним из предметов научного анализа которой является выявление психологических причин участия людей в совершении террористических действий.

Библиографический список

1. Sotiroska K. The role of psychology in the prevention and fight against terrorism and dealing with the consequences of terrorism // International Scientific Journal. 2021. 323.28:159.9. Pp. 109-116.
2. Borum R. Psychology of terrorism. – Tampa: University of South Florida, 2004. – 78 p.
3. Fried R. The psychology of the terrorist // Edited by B.M. Terrorism and beyond: An international conference on terrorism and low-level conflict. – Santa Monica, CA: Rand, 1982. – Pp. 119-124.
4. Arciszewski T., Verhac J.F., Goncalves I., Kruglanski A. From psychology of terrorists to psychology of terrorism // Revue internationale de psychologie sociale – 2009. – Vol. 3 (22). – P. 5-34.
5. McCauley C., Stout C.E. Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism // Psychology of terrorism: Coping with the continuing threat, condensed edition. – Westport, CT: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group, 2004. – Pp. 33-65.
6. Silke A. Becoming a terrorist // Terrorists, victims and society: psychological perspectives on terrorism and its consequences West Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd, 2003. – Pp. 1-30.
7. Post J.M. The psychological and behavioral bases of terrorism: Individual, group and collective contributions // International Affairs Review. – 2005. – Vol. 14 (2). – Pp. 195-203.
8. Stout C.E. Psychology of terrorism: Coping with the continuing threat, condensed edition. – Westport, CT: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group, 2004. – 288 p.
9. Kruglanski A.W., Fishman S. The psychology of terrorism: «Syndrome» versus «tool» perspectives // Terrorism and Political Violence. – 2006. – Vol. 18. – Pp. 193-215.
10. TSAS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tsas.ca/affiliate-location/canada/>.
11. Personality Traits and Terrorism. The Canadian Network for Research on Terrorism, Security, and Society. – 2015. – № 15. – 25 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsas.ca/wp-content/uploads/2018/03/TSASWP15-05_CSIS.pdf.

**SELECTED ASPECTS OF RESEARCH OF THE TERRORIST PERSONALITY
IN THE CONCEPTS AND CONCLUSIONS OF FOREIGN PSYCHOLOGY**

S.Y. Chimarov, *Doctor of Historical Sciences, Professor*

V.P. Yaremchuk, *Candidate of Legal Sciences*

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article presents an analysis of selected international scientific findings on terrorism, in the context of the role of psychology in identifying the underlying motivations of terrorists that facilitate their radical approach to achieving their goals. The authors devote particular attention to exploring the key tenets of the Canadian Network for the Study of Terrorism, Security, and Society (TSAS), which are undoubtedly crucial for a more thorough understanding of the relevance of certain areas of work for psychologists working directly in the field of counterterrorism.*

Keywords: *psychology; terrorism; extremism; personality; thrills; social dominance; proactivity.*